

ФАНЗОЛУШКА

A stylized, high-contrast illustration of a woman with long dark hair and glasses, looking down at a smartphone she is holding in her hands. The background is a solid grey color with vertical black lines on the left and right sides.

ФАНЗОЛУШКА

Эшли Постон

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (4 Вел)-44
П63

Ashley Poston
GEEKERELLA

Постон, Эшли.

П63 Фанзолушка / Постон Эшли; [пер. с англ. А. В. Федоровой]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Блогерша).

ISBN 978-5-17-983292-8

Эль безумно увлечена научно-фантастическим телесериалом «Звездная россыпь», который она с детства смотрела со своим отцом. Когда девушка узнает о конкурсе среди фанатов сериала, где главный приз — билет на косплей-бал и личная встреча с актером, играющим Принца Федерации, Эль решает во что бы то ни стало выиграть. Но путь к победе лежит через козни злой мачехи и сводных сестер...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (4 Вел)-44

© 2017 by Ashley Poston.

Designed by Timothy O'Donnell

Cover illustration by Dan Sipple

All rights reserved.

First published in English

by Quirk Books, Philadelphia, Pennsylvania.

© А. Федорова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-983292-8

*Нашему сообществу:
Да будет много
великих приключений!*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СМОТРИ НА ЗВЕЗДЫ

«Когда Черная Туманность погрузила все миры во мрак, рассказывались истории об одинокой искорке света, сияющей ярче, чем звезды, которая давала людям надежду, в то время как всякая надежда была потеряна. Это рассказ о звездолете «Просперо» и его последнем полете.

Смотри на звезды. Целься. Пли».

*Завершающий монолог,
«Звездная россыпь», эпизод 54.*

Мачеха опять взялась за свое.

По всему столу разбросаны лотерейные билеты, скидочные купоны и журнальные страницы с розыгрышами. Мачеха, устроившись на скрипучем деревянном стуле, аккуратно вырезает очередной купон. Сидит очень прямо, губы покрашены кроваво-красной помадой, осветленные волосы идеальными завитками уложены на макушке. На белоснежной блузке ни пятнышка, черная юбка-карандаш идеально выглажена. Видимо, сегодня она встречается с потенциальным клиентом.

— Милая, постарайся сегодня быстрее. — Она щелкает пальцами, чтобы я пошевеливалась.

Я плетусь к кухонному шкафчику и открываю банку кофе с резким дешевым запахом, но иной запах мне незнаком. Впрочем, это и неплохо, мы в любом случае не в состоянии позволить себе дорогой кофе. Правда, это не мешает мачехе каждое утро заказывать чай латте с соевым молоком, двойным шотом эспрессо и без молочной пены.

Кэтрин — так зовут мою мачеху — берет следующий журнал и начинает вырезать.

— Сегодня утром никаких углеводов. Я и так разжирела, а у меня сегодня встреча с одной парой. Пла-

нируют роскошную свадьбу. Представляешь, она из высшего общества!

В Чарлстоне? Верю. Здесь каждая либо из высшего общества, либо из Союза Дочерей Конфедерации, либо отпрыск политика Торнхилла, или Фишборна, или Ван Ноя, или Пикни, или еще кого-нибудь из старых чарлстонских фамилий. Только мне до них нет дела.

Я бросаю в кофемашину две ложки кофе, потом еще одну для ровного счета. Сегодня день трех ложек. Может быть, если добавить в утро больше кофеина, мачеха и близняшки уберутся из дома еще до девяти утра? Или я слишком многого хочу?

Я смотрю на часы на микроволновке. 8:24. Близняшкам надо собираться со скоростью света, иначе я не успею. Я беззвучно воздаю молитву Князю Света, или расе Q, или, ну кто там еще слушает: «Пожалуйста, пусть хоть один раз мачеха и близняшки уйдут вовремя. Сегодня ровно в девять в программе «Доброе утро, Америка» будет вершиться история «Звездной россыпи», и я не хочу это пропустить, не согласна, и все. Ее показ откладывали столько лет, столько раз меняли продюсера, не могли найти финансирование, и вот наконец будут снимать фильм. Конечно, это перезапуск, но дареному коню в зубы не смотрят. Сегодня официальный анонс нового фильма. С объявлением ведущих актеров, презентацией сюжета, в общем, со всем. Из-за Кэтрин и близняшек я пропускала марафоны по «Звездной россыпи», полуночные повторные релизы финального эпизода в кинотеатрах и конвенты. Но это я не пропущу.

— Они хотят дать друг другу клятву верности под магнолиями плантации Бун-Холл, — продолжает вещать Кэтрин. — Знаешь, там все забронировано с тех самых пор, как женился Райан Рейнольдс.

Кэтрин — организатор свадеб. Она может выходные напролет вручную пришивать пайетки на наперон либо штамповать приглашения на ручном печатном станке в типографии в центре города. Она настолько скрупулезно подходит к оформлению, подбирая

даже ткани для скатертей и оттенки цветов в вазах, что каждая свадьба, проведенная ею, превращается в магический мир единорогов. Можно подумать, она делает это потому, что ей самой не довелось «жить долго и счастливо», но это не так. Она хочет увидеть свои свадьбы в журналах *Vogue* и *InStyle*, хочет, чтобы их сотни раз вешали в «Инстаграме» и «Пинтересте». Словом, она хочет славы и вбухала в свое дело всю страховку папы. Ну, в дело и во все остальное, что считает важным для собственного «имиджа».

— Я хочу хотя бы выглядеть так, будто одеваюсь у Тиффани, — говорит она скорее сама с собой, чем обращаясь ко мне.

Я неоднократно слышала о том, как раньше она одевалась у Тиффани, посещала званые ужины в плантации Бун-Холл, как была счастлива в браке и какие у нее две чудесные дочки. При этом меня, падчерицу, она никогда не упоминает.

Кэтрин со вздохом заканчивает вырезать купон.

— Все это было раньше. До того, как твой отец бросил меня и близняшек в этом жутком домишке.

Вот оно что. Словно это я виновата, что она продула все сбережения. Ну, или папа. Я достаю кружку отца с эмблемой «Звездной россыпи» — единственное, что осталось от него в нашем доме, и наливаю себе кофе.

Соседская собака заходится лаем на бегуна в спортивном костюме. Мы живем на окраине известного исторического района. Дом недостаточно старый, чтобы стать туристической достопримечательностью, но и не настолько новый, чтобы его можно было перестроить. Да и денег у нас на это нет. Через две улицы находится колледж Чарлстона. Наш дом — один из последних, оставшихся после разрушительного урагана Хьюго, обрушившегося на Южную Каролину еще до моего рождения. Как и у всех хороших старых вещей, у дома свои недостатки. Я прожила здесь всю жизнь и не знаю другого дома.

Кэтрин его ненавидит.

От кофе исходит богатый пряный аромат. Я делаю глоток и почти растворяюсь. Настоящий рай. Кэтрин прочищает горло. Я наливаю кофе в ее любимую кружку, белую с розовыми цветами. Два куска сахара — больше ничего сладкого она не употребляет, — слегка помешать, и три кусочка льда.

Она берет чашку, не отрывая взгляда от журнала. Соседская собака внезапно издает резкий вой. Кэтрин ставит чашку.

— Как ты думаешь, собаки когда-нибудь научатся молчать? Джорджию хватает проблем и без лающей собаки.

Ей нравится делать вид, будто она со всеми на дружеской ноге, особенно с людьми, на ее взгляд, важными. Мистер Джорджио Рамirez — банкир, а значит, у него много денег и он имеет влияние в загородном клубе, поэтому так важен.

— Если эта шавка не заткнется, я лично ее придушу, — продолжает мачеха холодным, отстраненным тоном.

— Его зовут Франко, — напоминаю я. — И он не любит сидеть на привязи.

— Всем надо привыкать к разочарованиям, — и она делает еще глоток кофе. Кроваво-красные губы кривятся, Кэтрин отталкивает чашку. — Слишком горький. Переделай.

Я неохотно кладу в чашку еще кубик льда, чтобы разбавить напиток. Она пробует еще раз. Наверное, теперь кофе достаточно водянистый, поскольку она снова отставляет чашку ближе к стопке купонов и возвращается к изучению колонки сплетен в журнале.

— Ну? — подгоняет она меня.

Я задумываюсь, перевожу взгляд с кофе на нее и гадаю, что именно забыла. Я делаю это уже семь лет, вроде бы все на месте.

За окном опять жалобно воет собака. Ох.

Она поднимает тонко подведенную бровь.

— И как можно спокойно провести утро в таком шуме? Если бы Робин был здесь... — говорит она все тем же усталым, всезнающим тоном.

Я смотрю на нее и, открыв было рот, хочу сказать, что тоже скучаю по папе и тоже хочу, чтобы он был здесь. Но что-то меня останавливает. Или я сама себя останавливаю. Наверное, всему виной нехватка кофеина. Одного глотка явно недостаточно для смелости, которую дает целая чашка. К тому же я просто не хочу разозлить Кэтрин. Пусть уже выпьет свой кофе, успокоится и наконец уберется из дома.

Она переворачивает страницу журнала и опять хватается за ножницы, чтобы вырезать купон на зимнюю куртку. Сейчас июнь. Мы в Южной Каролине.

Но тут Кэтрин прочищает горло:

— Даниэль, сделай что-нибудь, чтобы эта дворняжка заткнулась.

— Но...

— Немедленно, — приказывает она и жестом велит мне поторопиться.

— Конечно, моя королева, — говорю я еле слышно.

Кэтрин складывает купоны и достает статью о последнем выходе на красную дорожку Джессики Стоун. Я же извлекаю из холодильника остатки вчерашней вырезки и выскальзываю через черный ход.

Бедняга Франко сидит в луже около будки и месит хвостом грязь. Сквозь щель в заборе на меня смотрит грязно-коричневая такса в грязном красном ошейнике. Простой ночью шел дождь, и будку залило, как я и предупреждала мистера Рамиреза, извините, Джорджио.

Мистер Рамирез принес Франко домой через пару недель после свадьбы со второй бывшей женой, наверное, чтобы точно не захотелось завести ребенка. Однако после развода пару лет назад он практически живет на работе, поэтому Франко позабыт, как неудачная идея. Затопленная будка — лишнее доказательство этому. Хорошо, что бедняга Франко умеет держаться на плаву.

Я поддвигаю коробку с едой к щели и чешу собаку за ушами, пачкая пальцы в грязи.

— Вот хороший мальчик. Накоплю денег и вытащу нас обоих отсюда. Что ты об этом думаешь, второй пилот? — Его хвост бешено шлепает по грязи. — Я даже найду нам одинаковые солнцезащитные очки. Будет полный набор.

Язык Франка в согласии свешивается изо рта. Интересно, существуют ли солнцезащитные очки для собак? Представляю картинку: мы с Франко втискиваемся в потрепанную машину, устремляемся по единственному шоссе, ведущему из города. И, конечно, оба в очках. Едем напрямиком в Лос-Анджелес.

Сколько себя помню, у меня все время чесались руки что-то создавать, писать. Я исписывала толстые тетради, дописывала фанфики, снова и снова прячась в страницах чужой жизни. Если папа был прав, и я могу все, могу быть кем угодно, я хотела бы сделать шоу наподобие «Звездной россыпи», рассказать другим странным детям, что они не одиноки. Я сделаю это, когда окончу школу. Через год. По крайней мере, начну. Изучу кинодраматургию, научусь писать сценарии. У меня уже есть нечто вроде портфолио. Сейчас я удовлетворяю жажду творчества в блоге «СтрелокПовстанцев». Пишу о том, что знаю наверняка. О «Звездной россыпи». Моим билетом отсюда станут этот блог и деньги, которые я зарабатываю в автокафе. Когда-нибудь это произойдет.

— Даниэльль, — орет мачеха из кухонного окна.

Я проталкиваю остатки мяса под забор, и Франко ныряет в миску.

— Может быть, в другой вселенной, — шепчу я. — Но пока мой дом здесь.

С этим местом связано слишком много воспоминаний, я не смогу уехать, даже если бы и захотела. Технически папа оставил дом мне, но Кэтрин распоряжается им, пока я не достигну совершеннолетия. Так что до тех пор...

— Даниэльль!

До тех пор я здесь. С мачехой и ее дочерьми.

— Хорошо, хорошо, иду!

Я последний раз чешу Франка за ухом, прощаюсь с ним, обещаю вернуться позже за тарелкой и топаю на кухню.

— Девочки, — зовет Кэтрин, перекидывая через плечо сумку от Гуччи. — Поторопитесь, иначе опоздаете на урок мистера Крэга. — Девочки. Девочки! Надеюсь, вы уже проснулись, а не то...

Я слышу, как она идет в их комнату, смотрю на часы. 8:36. Они не уйдут вовремя, без шансов. Разве только я их немного ускорю.

Я лениво достаю кудрявую капусту, клубнику и миндальное молоко и готовлю близнецам утренний смузи. Кэтрин, конечно, разбросала свои журналы по всему столу. Так что прямо в лицо мне улыбается Дэриен Фримен. Я презрительно усмехаюсь. Ходят слухи, что он подписал контракт на ремейк «Звездной россыпи». Это такая же веселая шутка, как если бы Карминдора сыграла мопса на скейте. Нельзя доверять звезде сериала целую галактику.

Уф-ф. Стараясь не думать об этом, включаю блендер.

Сверху доносятся приглушенные удары. Это Кэтрин вытаскивает близняшек из кроватей. И так каждый день, хоть часы сверяй.

Вот как летом проходит мое утро: просыпаюсь, кофе, по понедельникам покрепче. Кэтрин погружается в утренние газеты и вырезает купоны, особенно долго останавливается на сумках и красивых платьях. Недовольно что-то бормочет о прошлой жизни. Приказывает мне готовить завтрак. Вместо этого я кормлю Франка. Кэтрин идет наверх и орет на близняшек, поскольку они, как всегда, забыли поставить будильник. Я все еще не приготовила завтрак. Десять минут спустя близняшки воюют за душ. Кэтрин напоминает мне, что она — благодетель этого дома. И если я хочу, чтобы она продолжала вкладывать деньги в него, содержать в роскоши (будто дому это поможет), лучше бы мне все-таки сделать завтрак. Поэтому я взбиваю тошнот-